

С Хэ Минчэнем все было в порядке: и зрение, и слух у него оставались безупречными. Однако сейчас он всерьез засомневался, не подводит ли его то и другое разом. Иначе как объяснить услышанное? Слова казались абсолютно дикими, немыслимыми.

Арестовать? Забрать?

Куда это Цзи Лянь предлагает себя упечь? Да еще и с таким предвкушением на лице.

Напрашивался единственный вывод.

Неужели Цзи Лянь только что сознался в том, что действительно издевался над Хэ Шэном?

Лицо Хэ Минчэня сделалось мрачнее тучи. И хотя в душе он уже утвердился в этой мысли, ему хотелось выбить из Цзи Ляня прямое, недвусмысленное признание.

— Значит, сознаешься?

— Да, я действительно... — начал было Цзи Лянь.

— Сяо-ба меня не обижал! — звонкий, по-детски нежный голосок заставил Цзи Ляня оборвать фразу на полуслове.

Он обернулся. Маленький зеленый динозаврик, которому полагалось тихонько сидеть у себя на втором этаже, каким-то образом ухитрился незаметно проскользнуть в столовую.

Хэ Шэн сжимал в кулачке сломанную игрушку. На детском личике смешались обида, досада и гнев; в эту секунду, насупившись, он был поразительно похож на своего отца.

— Дяньдянь? — Хэ Минчэнь удивился не самому его появлению, а тому, что всегда послушный сын вдруг проявил редкое упрямство.

Малыш, точно выпущенный из пушки снаряд, подлетел к Цзи Ляню, обхватил его обеими руками за пояс и воинственно уставился на отца:

— Почему Сяо-ба врет? Я же говорил, он меня не обижал! Куда ты собрался его забрать?

Дяньдянь прекрасно знал, что подслушивать нехорошо, но страх и тревога оказались сильнее. Он впервые в жизни осмелился пойти наперекор и папе, и Сяо-ба.

Пусть отношения между родителями никогда не отличались теплотой, при нем они еще ни разу не устраивали таких пугающих сцен.

По телевизору всегда так показывают: если взрослые ссорятся, они обязательно разводятся.

А он очень не хотел, чтобы папа и Сяо-ба расставались.

Ради этого ему пришлось пойти на крайние меры — сломать любимого робопса Пудинга. С этой поломкой он и прибежал вниз под предлогом просьбы о помощи.

Так Сяо-ба не станет ругать его за то, что он спустился без разрешения.

— Папа, если ты уведешь Сяо-ба, тогда и меня заведи! — Хэ Шэн изо всех сил старался казаться храбрым, но силенок не хватило. Носик сморщился, и по щекам покатились крупные слезы.

Хэ Минчэнь только молча смотрел на эту картину.

Сердце Цзи Ляня дрогнуло.

Он попытался осторожно разжать ручки малыша, но Дяньдянь, испугавшись, что его отталкивают, вцепился в него мертвой хваткой.

«Ой, нет, Сяо-ба опять стал прежним... Он же в последнее время перестал меня прогонять!»

Куда там трехлетнему ребенку тягаться со взрослым. Цзи Лянь без труда высвободился из его объятий.

Но вопреки худшим ожиданиям Дяньдяня, мужчина не оттолкнул его. Он опустился на корточки, ласково стер слезинки с пухлых щек и негромко рассмеялся:

— Ну что ты за плакса у меня.

Малыш шмыгнул носом. Обида и страх были слишком сильны, чтобы спорить. Почувствовав ласку, он разрыдался с новой силой и тут же крепко обхватил Цзи Ляня за шею.

— Малыш, нам с господином Хэ нужно закончить разговор. Поднимись к себе, ладно? Как только мы договорим, я сразу приду к тебе. Договорились?

— Не-а! — Хэ Шэн отчаянно замотал головой.

— Это не займет много времени, — терпеливо уговаривал Цзи Лянь.

— Не хочу, не хочу! — закричал Дяньдянь, стараясь придать своему голосу побольше веса, и уткнулся личиком в щеку Сяо-ба. А затем поспешно перевел тему: — Сяо-ба... Пудинг сломался...

В его маленькой головке билась единственная мысль: держать изо всех сил и ни за что не отпускать.

Ему так нравился новый Сяо-ба. Тот, который утешал его, когда было грустно, кормил с ложечки, рассказывал сказки на ночь и бережно зашивал любимый платочек.

Он не должен уходить.

«Почему... ну почему Сяо-ба не может просто любить меня?»

Цзи Лянь взял из рук мальчика игрушечного корги. У робопса была начисто отломана задняя лапа вместе с упитанным пластиковым крупом. Игрушка была сделана на совесть, из прочнейшего пластика — трехлетний кроха физически не смог бы сотворить такое случайно, да и от простого падения она бы не раскололась. Кто-то целенаправленно и с силой разломал ее.

Одного взгляда хватило, чтобы разгадать замысел ребенка.

Хэ Шэну нужна была веская причина, чтобы вмешаться в их разговор с Хэ Минчэнем. И он не нашел ничего лучше, как пожертвовать Пудингом.

А ведь это был его любимый робопес — первый подарок отца на день рождения. Малыш засыпал только тогда, когда ставил его рядом с подушкой и гладил по блестящей спинке.

И теперь ради спасения своего Сяо-ба Дяньдянь без колебаний расправился с самым дорогим сокровищем.

Еще в тот день, когда в особняк приезжал помощник Хэ Минчэня, Цзи Лянь заподозрил неладное. Вскоре он понял: за ними следят.

Но он не стал заискивать перед ребенком ради камеры. Вместо этого он сосредоточился на том, чтобы раз и навсегда приструнить няню — тётушку Сунь, выставив напоказ всю ее наглость и некомпетентность перед невидимым наблюдателем.

Будь у него желание, он мог бы легко использовать эту слежку, чтобы обелить себя в глазах мужа. Но упрямства Цзи Ляню было не занимать — если уж он что-то решил, переубедить его

было невозможно.

Раз уж судьба подарила ему второй шанс и перенесла в этот мир, он готов был искупить вину прежнего владельца тела перед ребенком. Даже если ради этого пришлось бы провести несколько лет за решеткой.

Однако теперь, глядя на заплаканного Дяньдяня, он почувствовал, как его непоколебимая решимость дает глубокую трещину.

Пожалуй, стоило предпринять хотя бы одну попытку защитить себя.

Цзи Лянь обернулся к безмолвному Хэ Минчэню и, посерьезнев, твердо произнес:

— Господин Хэ, я действительно никогда не обижал Хэ Шэна.

— Да, Сяо-ба хороший, он меня не обижал! — закивал головой Дяньдянь, спеша подтвердить его слова.

Хэ Минчэнь хранил молчание.

Цзи Лянь совершенно не умел лгать. Хэ Шэн — тоже. Стоило обоим начать юлить, как они принимались лихорадочно моргать. В этот момент, несмотря на отсутствие кровного родства, они выглядели комично похожими друг на друга.

Возможно, именно присутствие сына заставило Хэ Минчэня прекратить этот допрос.

Цзи Лянь унес мальчика обратно наверх. Но стоило им оказаться в спальне, как Дяньдянь снова приклеился к нему, отказываясь отходить даже на шаг.

Устроившись на пушистом ковре, Цзи Лянь скрестил ноги. Малыш тут же примостился бок о бок, плотно прижавшись плечом к его руке, словно крошечный преданный хвостик.

Цзи Лянь тем временем пытался реанимировать несчастного Пудинга.

Но твердый пластик неохотно поддавался ремонту. Даже самый мощный клей не гарантировал надежности: стоило чуть сильнее качнуть корпус, как шов снова грозил разойтись.

Спасательная операция потерпела фиаско, едва начавшись.

— Не получается починить, — вздохнул Цзи Лянь, с сожалением глядя на затаившего дыхание ребенка. Он ласково взъерошил его мягкие волосы. — Могу попробовать скрепить скотчем, но играть с ним придется очень осторожно. Лапа может отвалиться в любой момент.

Он не стал предлагать купить нового робопса.

В магазинах наверняка пылились сотни таких же точно игрушек, но ни одна из них не заменила бы эту.

Цзи Лянь, который сам больше всего на свете не хотел быть чьей-то заменой, прекрасно понимал: Дяньдяню не нужен суррогат.

Эта собака была дорога мальчику по одной-единственной причине — ее подарил отец.

Цзи Лянь судорожно соображал, как подсластить пилюлю и отвлечь малыша от потери, но тот внезапно проявил неожиданную стойкость.

Выслушав предложение, Хэ Шэн лишь качнул головой:

— Не нужно, Сяо-ба.

Цзи Лянь удивленно приподнял брови:

— М?

На личике Дяньдяня не было ни слезинки. Напротив, он выглядел на редкость серьезным.

— Сяо-ба, давай похороним Пудинга.

— Зачем же хоронить? — мягко спросил Цзи Лянь.

— Наверное, его время вышло, — рассудительно ответил кроха. — Пусть теперь отдыхает. Он заслужил пенсию.

Когда-то он смотрел фильм про собак — трогательную историю от щенячьего возраста до самой старости. Дяньдянь так и не досмотрел его до конца: стоило главному герою поседеть, как мальчик в слезах убежал из комнаты.

Он отчаянно цеплялся за счастливое неведение, но злая нянька — тётушка Сунь — все равно жестоко пересказала ему печальный финал.

Киношный пес-поводырь должен был вовремя уйти на покой, но из-за верности хозяину продолжал трудиться до изнеможения, пока не угас от тяжелой болезни.

Еще до того, как Дяньдянь решился сломать игрушку, тётушка Сунь не раз швыряла робопса на пол. Пудинг весь был покрыт царапинами и трещинами. Малышу было больно смотреть на его «раны», и он давно хотел избавить верного друга от необходимости служить сквозь боль. И вот сегодня подвернулся случай отправить его на заслуженный отдых.

Цзи Лянь не стал спорить. Он поднялся, подошел к ящику с игрушками и отыскал там подходящую картонную коробку.

Обернувшись, он обнаружил, что Дяньдянь стоит прямо у него за спиной. Тонкие детские пальчики нерешительно застыли в воздухе — мальчику очень хотелось поймать его за руку, но какой-то внутренний барьер все еще мешал сделать это открыто.

Пойманный с поличным, малыш мгновенно залился густым румянцем и, торопливо указав на подол его домашней футболки, сбивчиво пробормотал:

— Т-там... пятнышко. Я просто хотел стряхнуть.

Цзи Лянь едва заметно улыбнулся, решив не смущать его расспросами. Опустившись на колени, он бережно уложил обломки пластикового корги в коробку и повернулся к Хэ Шэну:

— Устроим его здесь, хорошо?

Дяньдянь послушно кивнул:

— Сяо-ба, а можно мне еще разок его погладить?

— Конечно, — тепло отозвался Цзи Лянь.

Смущенно сопя, мальчик протянул ладошку и легонько коснулся круглого пластикового бока робопса.

— Прощай, Пудинг, — прошептал он.

Цзи Лянь закрыл крышку и убрал коробку в самый низ комода. Стоило ему задвинуть ящик, как он почувствовал легкое натяжение ткани на спине.

Дяньдянь преодолел последние капли робости и робко ухватился за край его футболки.

Оказалось, сделать этот шаг навстречу совсем не страшно. Новый Сяо-ба не станет брезгливо кривиться и прогонять его, как бывало раньше.

Прижавшись щекой к его спине, Хэ Шэн тихо позвал:

— Сяо-ба...

— Да, малыш, — отозвался Цзи Лянь, не делая попыток отстраниться. Он так и остался сидеть на коленях, позволяя ребенку искать защиты у своего плеча.

Несмотря на то, что они находились вплотную друг к другу, Дяньдянь понизил голос до едва различимого шепота:

— Ты ведь... останешься со мной? Насовсем?

«Я знаю, что ты — это не он. Не тот, прежний Сяо-ба. Но я так сильно тебя люблю...
Пожалуйста, не уходи»

Пусть Пудинг сломался — теперь это не имело значения. Ведь у него появилось настоящее, живое чудо, подаренное самой судьбой.

<http://bllate.org/book/18977/2162725>